

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В исторической ретроспективе рассматривается образование как один из ведущих факторов развития российско-китайских отношений с конца XIX в. Данная проблема имеет слабое освещение в исторической науке. Авторы отмечают, что российская (советская) система образования оказала существенное влияние на процесс формирования системы образования Китая. В рамках концепции «мягкой силы» авторы определяют образование как один из эффективных ее инструментов. В заключении обосновывается вывод об утрате Россией лидирующих позиций в сфере образования в контексте российско-китайского взаимодействия.

Ключевые слова: Россия; Китай; образование; «мягкая сила»; международные отношения.

История отношений России и Китая не укладывается исключительно в плоскость межгосударственных политико-дипломатических контактов, а содержание этих отношений не ограничивается экономическими связями и размежеванием приграничных территорий. Во взаимоотношениях государств огромную роль играли гуманитарные связи. В силу давних двусторонних контактов России и Китая, наличия общей границы в течение долгого времени происходили формирование и развитие разносторонних связей, в том числе в сфере культуры и образования.

Образование представляет собой важнейший государственный и социальный институт, без которого невозможно поступательное развитие человеческих ресурсов – главного актива современного государства. С этой точки зрения вклад России в развитие образования в КНР является важным аспектом истории их взаимоотношений. В контексте формирования современного азиатского вектора российской внешней политики и необходимости упрочения международного положения России в Восточной и Центральной Азии рассмотрение исторического опыта взаимодействия в принципиально значимой для человека и государства образовательной сфере представляется актуальным и необходимым.

Проблема российско-китайского взаимодействия в области образования и культуры в целом является малоразработанным исследовательским полем. Историография данного вопроса представлена обобщающими исследованиями по истории внешней политики, международных отношений двух государств. Труды, освещающие вопросы внешней политики, позволяют охарактеризовать историко-культурный фон изучаемого вопроса [1–3]. Важными для понимания ситуации в сфере российско-китайского сотрудничества являются работы советских историков Ю.Б. Кашлева, Г.А. Можяева и др. [4–7]. Авторы доказывали прогрессивность советской культуры и образования и трактовали взаимодействие государств в области образования как составляющий элемент добрососедских отношений и оказание «братской помощи». При анализе работ советского периода бросается в глаза их ярко выраженный идеологизированный характер. Исследователи того периода указывали на огромный вклад Советского Союза в развитие КНР в период первых пятилеток. В исторической литературе не допускались сомнения в правильности советской внеш-

ней политики, пропагандировались социалистические идеи, а проблемы и противоречия в российско-китайских отношениях замалчивались. Ярким примером тому является работа Р.В. Вяткина по истории русско-китайских отношений КНР [8]. С этих же позиций интересна работа советского дипломата, китаеведа М.С. Капицы [9, 10]. Рассматривая впервые в советской историографии отношения СССР и КНР (1917–1957 гг.) в сфере искусства и литературы, особый акцент он делал на вклад советских ученых в развитие науки в братской Китайской Народной Республике.

Спустя два десятилетия вопросы российско-китайских культурных связей обсуждались в монографии А.С. Цветко уже в контексте принципиально иной политической и социально-экономической обстановки в СССР и КНР, где автор подвергает жесткой критике маоцзэдуновский Китай и его культурно-образовательную политику [11. С. 74–76].

После распада Советского Союза начинается этап в осмыслении развития культурных связей двух держав. Труды исследователей уже свободны от давления идеологического фактора, им свойствен критический подход к выстраиванию взаимоотношений с КНР. Директор ИДВ РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы М.Л. Титаренко одной из основных причин замораживания взаимодействия двух стран видел нежелание советской стороны учитывать особенности китайского менталитета, игнорирование национально-специфических особенностей и незнание философско-культурологических основ китайского образа мышления [12, 13]. Из постсоветских исследований особый интерес представляет монография В.Л. Ларина. В ней представлен широчайший спектр мнений, взглядов, подходов с точки зрения экономики, истории, этнопсихологии взаимодействия РФ и КНР с конца 80-х гг. XX в. до 2005 г. В.Л. Ларин говорит об ошибках и просчетах, допущенных в выстраивании отношений двух стран и сложностях их преодоления. Отдельные разделы посвящены проблематике приграничного взаимодействия: политических и экономических связях, туризме, культурном обмене. Книга примечательна попыткой взглянуть на Дальний Восток и Россию глазами китайцев посредством анализа трудов китайских коллег, прессы КНР, публикаций по теме ученых других стран [14].

Известный китаевед, профессор В.Г. Дацышен в своих работах исследовал историю взаимопроникно-

вения культур благодаря изучению китайского языка русскими и проникновению христианства и православной русской культуры на территорию Китая [15, 16]. Его работы посвящены выявлению роли России, русской культуры и их влияния на китайскую. Автор отмечает, что «золотой век» русских миссионеров в Китае пришелся на первые два десятилетия XX в., когда китайцы-христиане играли заметную роль во всех сферах экономической и политической жизни страны. Однако рост китайского национализма, обострение противоречий между христианством и местным культурным контекстом привели к фактической остановке христианской церковно-религиозной жизни в КНР.

Особый интерес представляют работы европейских и американских историков. Западная историография представлена рядом исследований общего характера, касающихся истории Китая и российско-китайских отношений. Прежде всего, необходимо отметить 15-томный труд ученых Кембриджского университета «Кембриджская история Китая» [17].

Внимание американских специалистов в основном сконцентрировано на влиянии российской литературы на культуру Китая, на особенностях восприятия китайцами русских, эмигрировавших в Харбин в 1920-х гг. Единственной работой, в которой анализируется российское влияние на развитие образовательной политики в Китае, представляется исследование американского ученого Е. Каске (E. Kaske), рассматривающее особенности языковой политики и проблемы в системе образования 1885–1919 гг. [18].

В целом для работ западных исследователей характерно однозначно негативное отношение к российскому культурному влиянию. Гуманитарные связи между двумя государствами трактуются ими как российская / советская культурная экспансия, как использование культурных контактов с Китаем в качестве плацдарма для своей идеологической пропаганды [19–21].

Новое прочтение получило российско-китайское образовательное сотрудничество на основе концепции «мягкой силы», впервые сформулированной Дж. Наем. Учение основано на тезисе о том, что культурная привлекательность является таким же мощным фактором для достижения стратегических геополитических интересов государства, как и «жесткая», т.е. военная, сила. Современные исследования рассматривают образование как инструмент влияния [22]. А.В. Голубев, используя термин «культурная дипломатия», убедительно доказывает, что система культурной дипломатии эффективно действовала во второй половине XX в., нередко использовалась для решения политических задач [23. С. 183–185]. Значительный интерес представляет публикация В.А. Родионова, оценивающая роль образования в контексте изучения «мягкой силы» во внешней политике России и Монголии [24. С. 255–260].

С точки зрения концепции мягкой силы воздействие, осуществляемое во время образовательного процесса, гораздо эффективнее, нежели краткосрочные пропагандистские кампании. Мягкая сила образования реализуется в основном через обучение элит

или будущих лидеров других стран и через обучение людей, пусть и не принадлежащих к элите, но которые после завершения учебного процесса благоприятно оценивают страну, в которой обучались. Иностранцы студенты часто перенимают методы, подходы, философию, академическую культуру, свойственные научной и образовательной системе страны пребывания. Очень важно, что после возвращения домой они сохраняют профессиональные и дружеские связи с жителями страны обучения.

Действенность академической мягкой силы обеспечивается, с одной стороны, обменом идеями, информацией, познаниями в искусстве и культуре, с другой – каскадным эффектом образования. Тем самым вопреки политическим разногласиям и санкциям, закладывается позитивная основа сотрудничества и создаётся нейтральная площадка для личных контактов, что служит гибким, общепризнанным средством общения со странами в условиях политической напряжённости или приостановки дипломатических отношений. Таким образом, очевидно, что в современных исследованиях авторы все чаще выделяют образование как инструмент геополитики, позволяющий оказывать влияние на политические решения.

Нужно отметить, что, несмотря на целый массив исследований, посвящённых российско-китайскому образовательному взаимодействию, в трудах российских исследователей образование не рассматривалось как средство геополитического влияния России в Китае во второй половине XIX в. – начале второй половины XX в. Таким образом, анализ развития российско-китайских отношений с позиций геополитического подхода представляется востребованным и актуальным.

Целью данной работы является определение роли образования в историческом развитии российско-китайского взаимодействия в контексте обеспечения национальных интересов государств.

Нужно отметить, что устойчивые культурные контакты России и Китая прослеживаются с середины XVII в. С начала следующего столетия они определялись деятельностью Пекинской духовной миссии, которая сыграла ведущую роль в развитии российско-китайских культурных и научных связей [25].

Вовлечённость России в проблемы образования и культуры в Китае во многом определялась российскими геополитическими императивами в регионе. Эти вопросы стали подниматься по мере экспансии Российской империи в Восточную Азию в последней четверти XIX в.

Важным рубежом развития российско-китайских отношений в области образования стало строительство КВЖД в начале XX в. на северо-востоке Китая, когда возникла необходимость в ускоренной подготовке специалистов для обслуживания данного объекта. Сначала в Харбине, а затем в Тяньцзине и Шанхае стали открываться российские учебные заведения, которые во многом соответствовали подобным учреждениям из дореволюционной системы образования в России и работали по ее программам. Существовала преемственность традиций и методов российского образования. Для чтения лекций приглашались из-

вестные российские ученые, педагоги «и соответствовали положению о «Нормальном распределении занятий для прохождения предметов...» соответствующих учебных курсов, которым руководствовались в учебных учреждениях в системе российского образования» [26. С. 71].

После открытия движения по КВЖД в 1904 г. на всей территории Китая были открыты более 30 русских учебных заведений разного профиля, а также ряд учебных подразделений по обучению русскому и китайскому языкам [27. С. 234–237]. Строительство и эксплуатация Китайской Восточной железной дороги способствовали увеличению численности русского населения в Маньчжурии, преимущественно проживающего вдоль полосы железной дороги и в Харбине. Как правило, это были представители различных технических специальностей и интеллигенция. Большинство переселенцев, обслуживающих железную дорогу, переезжали с семьями. Управление КВЖД, вследствие этого, столкнулось с необходимостью развития инфраструктуры – организации учреждений связи, просвещения, здравоохранения и т.п.

Решение данного вопроса в стране, которая ни формально, ни фактически не подчинена русским органам власти, было затруднительно. Управление КВЖД действовало независимо от российских властей. По линии железной дороги и в Харбине по образцу российских заведений создавались учреждения просвещения, здравоохранения, связи на средства Управления железной дорогой и частных пожертвований.

Первая русская школа в Маньчжурии открылась в 1898 г. в Старом Харбине на средства КВЖД. Начальное училище возглавил педагог И.С. Степанов [28. С. 94–102]. В 1907 г. в ведении Управления КВЖД состояли 20 начальных училищ: 11 одноклассных и 9 двухклассных [29. С. 214]. Начальные училища на КВЖД имели шестилетний курс обучения. В одноклассных училищах в зависимости от уровня образования учащихся действовали три последовательных отделения. В каждом отделении обучение продолжалось два года. Обучение велось на русском языке, что очень важно. Управление железной дорогой уделяло значительное внимание организации школьного дела. Для привлечения опытных учителей создавались благоприятные материальные условия. В профессиональном отношении преподаватели имели возможность выезжать на учительские съезды, курсы в центральные регионы России [30. С. 267–272].

К 1914 г. часть училищ, подчиненных Управлению дороги, перешло в ведомство Министерства народного просвещения, в том числе частные женские учебные заведения в Харбине – прогимназия М.С. Генерозовой (1903 г.) и гимназия М.А. Оксаковской (1906 г.). Харбинские учебные заведения формально подчинялись главной инспекции училищ Приамурского генерал-губернатора. Учебные заведения, расположенные в районе поселка Маньчжурия, находились в ведении иркутского генерал-губернатора [29. С. 219].

После Октябрьской революции 1917 г. культурные и образовательные связи развивались стабильно и эффективно, начали работать «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей», «Общество культур-

ной связи Китая и СССР», в рамках которых были созданы клубы по изучению русского языка. Наладился научно-образовательный обмен между вузами СССР и Китая. Советское правительство с целью поддержания антиколониального народного движения 21 апреля 1921 г. открыло в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока. В 1923 г. туда прибыла группа китайских коммунистов во главе с одним из создателей КПК Чжао Шиянем. С марта 1923 г. по сентябрь 1924 г. при содействии Коминтерна и советского правительства университет принял для обучения три группы общей численностью около 100 человек. В 1925 г. с целью подготовки кадров для Гоминьдана и КПК советское правительство приняло решение о создании в Москве Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (в апреле 1928 г. университет был переименован в Коммунистический университет трудящихся Китая). В 1925–1930 гг. через университет прошли более тысячи видных членов КПК: Е Тин, Гуань Сяньин, Ван Цзясян, Цинь Бансянь, Ван Мин, Цзо Цюань, У Ланьфу, Ши Чжэ, Ян Шанкунь, Чэнь Гэн, У Сюцюань, Чэнь Бода, Лю Бочэн, Кай Фэн, Е Цзяньин и другие, которые составили ядро КПК в период от ее образования и до полной победы во всем Китае [31. С. 7–17].

В этот период особенно интенсивно развивалось образовательное сотрудничество с Северо-Востоком Китая. В связи с востребованностью специалистов для обслуживания КВЖД 18 октября 1920 г. в г. Харбине открылся Русско-Китайский индустриально-транспортный техникум КВЖД, по статусу приравненный к высшему специальному учебному заведению. Его целью являлась подготовка будущих русских и китайских инженеров, «полезных краю и Китайской Восточной железной дороге» [27. С. 234–237]. Директором техникума избран инженер путей сообщения А.А. Щелков. В этом учебном заведении в соответствии с классической российской системой профессионального образования основной акцент делался на развитие у студентов умений применять полученные теоретические знания на практике.

В 1922 г. на базе указанного техникума открылся Русско-Китайский политехнический институт (ставший в 1928 г. Харбинским политехническим институтом), в котором действовала дореволюционная модель российского образования. Использование в Харбинском политехническом институте классической системы обучения, применение учебных планов, программ и университетского Устава, разработанных еще в Российской империи, обеспечивали высокий образовательный ценз получаемых студентами знаний и технических навыков. Курс обучения увеличился до пяти лет. Преподавание велось с «трехязыковым» профилированием студентов на русском, английском и китайском языках. В методах обучения сохранялась ориентация на практическую направленность, принятая в традиционной классической «системе русского образования». С 1925 г. лучшие выпускники института оставались в институте для проведения научных исследований и преподавания. После 1949 г. этот принцип организации учебного процесса, характерный для наиболее престижных образовательных и

научно-исследовательских учреждений СССР, переняли во многих китайских университетах [32. С. 43].

После образования Китайской Народной Республики на учебу в Советский Союз в большом количестве направлялись избранные представители китайской молодежи. Согласно статистике в 1950 г. в СССР обучались 400 студентов из Китая, что составило 6,4% от общего числа студентов из-за рубежа; в 1960 г. – 900 студентов 9,7%. Народное образование КНР с 1949 до середины 1950-х гг. в общих чертах проходило тот же путь, что и социалистическая система образования в СССР [33. С. 24–27]. В итоге высшее образование Китая было реструктурировано по советскому образцу: установлены специальности и специализации, подготовка по которым осуществлялась в соответствии с учебными планами, заимствованными у Советского Союза.

Позже политическая и экономическая напряженность между двумя государствами негативно отразилась на расширении взаимодействия в области культуры и образования СССР и КНР. Период 1960–1970-х гг. характеризуется значительным уменьшением советско-китайского взаимодействия во всех сферах, в том числе культурной и образовательной. Использование опыта Советского Союза подверглось острой критике китайскими теоретиками за отсутствие адаптации к китайским реалиям [34. С. 143].

Изменения в политике, экономике и культуре Китая в 1970–1980-х гг. оказали влияние на отбор и развитие модели высшего образования в пользу западного образца образовательной системы. И всё же необходимо подчеркнуть, что советское профессиональное образование на протяжении XX в. неоднократно рассматривалось в качестве объекта изучения китайских исследователей.

В современных условиях глубинной трансформации существующего миропорядка активно формируются и используются инструменты политического воздействия, способные переформатировать глобальное геополитическое пространство. Особенно важными становятся непрямые аспекты международного влияния: информационная политика, культурная дипломатия, гуманитарная помощь. В этих условиях исторический опыт советского образования в КНР приобретает особую актуальность, так как компоненты многоуровневой внешнеполитической повестки советского руководства в Китае успешно реализовывали культурно-образовательные связи.

Процессы национальной консолидации в Китае осуществлялись при мощном влиянии транслировавшейся на него извне советской идеологии. Научное изучение этого периода в истории китайского народа неизбежно упирается в феномен экспорта из России / СССР социалистических идей и комплексную многоуровневую проблему их трансформации и адаптации в социокультурном контексте развития китайского общества. Коммунистическая идеология оказала формирующее влияние на государственные и социальные институты Китая. Однако в российской историографии не получила освещения ни роль образования в передаче идеологии, ни процессы применения, адаптации и трансформации советской идеологии,

педагогических знаний, практик и организационных моделей образования в Китае.

Всплеск общественного и профессионального интереса к развитию российско-китайского образовательного сотрудничества произошел в 2000-е гг. На наш взгляд, это связано не только с политической либерализацией, но и со смещением геополитических интересов России в Центральную и Восточную Азию.

Нужно отметить, что происходящие в настоящее время в Китае и России изменения неизбежно отражаются на формате образовательного сотрудничества. Сверхбыстрый рост экономики Китая, сохраняющийся в течение 30 с лишним лет, позволил КНР стать сильным игроком на мировом рынке. Быстрое превращение Китая в одну из ведущих мировых держав оказало влияние на стратегии и китайских вузов, и китайских абитуриентов в отношении российских университетов.

К сожалению, приходится констатировать, что в новой «большой игре» Россия, очевидно, отстает от своего соседа. Во-первых, в результате целенаправленной и последовательной государственной политики КНР в сфере образования происходит динамичное развитие китайских университетов. Нарастание материально-технической базы вузов, строительство современных кампусов является результатом и государственных инвестиций, и экономической свободы университетов. «Китайские университеты стали символами национальных амбиций. Интенсивно развивающаяся система высшего образования в КНР уже опередила по количественным показателям все страны мира...» [35. С. 20]. Соответственно, Китай теперь может гораздо полнее удовлетворять потребности собственных и иностранных граждан в получении высшего образования и экспортирует свои образовательные услуги уже в Россию.

Важным фактором, определяющим выбор образовательных учреждений, становится рост благосостояния китайских граждан. Начиная со второго полугодия 2013 г. экономический рост в КНР опирается, главным образом, «на внутренний спрос, в том числе на инвестирование и потребление» [36. С. 26–27]. Нужно отметить, что и раньше китайские студенты активно получали образование за рубежом: в США, европейских странах, Австралии и пр. Теперь эти образовательные услуги, достаточно дорогие, доступны большому числу китайских абитуриентов. В связи с этим теряется конкурентное преимущество российских вузов – более низкая стоимость обучения.

На неутешительные результаты российской образовательной мягкой силы оказывает влияние языковой фактор. Во-первых, с 1978 г., начала политики реформ и открытости, в начальных и средних школах Китая почти исключительно в качестве иностранного языка стал преподаваться английский, вследствие чего выпускники средних и высших учебных заведений для продолжения учебы за границей выбирают вузы США, Великобритании и других стран Запада [37. С. 91–104]. По данным Россотрудничества, число изучающих русский язык в КНР постоянно сокращается. Значит, сокращается и число потенциальных иностранных абитуриентов российских вузов. Если полвека назад Советский Союз был

практически монополюющей кузницей кадров с высшим образованием для КНР, то сейчас Россия контролирует лишь 1,5–2% этого рынка [38]. Отметим с сожалением, что это не только упущенная экономическая выгода, но и упускаемые политические возможности «мягкого» влияния Российской Федерации.

В свою очередь, КНР во главу своей внешнеполитической деятельности ставит как раз продвижение мягкой силы Китая посредством создания институтов Конфуция в России, в задачи которых входят: распространение китайского языка и китайской культуры за границей; формирование привлекательного имиджа Китая в РФ; создание условий для активизации «экономического сотрудничества». Фактически институты Конфуция стали частью так называемой китайской народной дипломатии.

Первый институт Конфуция появился в нашей стране в 2006 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. С тех пор в России «пустили корни» 18 институтов и 4 класса Конфуция [39. С. 312]. Заметим, однако, что активная деятельность институтов Конфуция в нашей стране не сопровождается столь же активной работой соответствующих ведомств Российской Федерации по созданию в КНР центров изучения русского языка

или, например, институтов Толстого, учредить которые давно уже предлагают некоторые авторитетные российские китаеведы. Это нарушает один из важнейших принципов международных отношений, а именно взаимность. В общем, уже многим экспертам в нашей стране очевидно, что, позволив институтам Конфуция развиться в России столь бурную активность, российские власти совершили серьезную ошибку.

Таким образом, анализ взаимодействия России и Китая в области образования и культуры приводит к неутешительному выводу не только о потере Россией некогда лидирующих позиций, но и возникновении объективной опасности в свою очередь стать объектом китайской мягкой силы. Очевидна необходимость подготовки высококвалифицированных кадров для двустороннего научно-образовательного сотрудничества, включая кадры всех уровней управления (правительственные организации, региональные правительства, учебные заведения, научно-исследовательские организации, предприятия), хорошо знающие китайский язык и разбирающиеся во внутренней и внешней политике. Значение образования в современных условиях стремительно трансформируется из общекультурного фактора в политический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громыко А.А., Пономорев Б.Н. История внешней политики 1917–1985 гг. М.: Наука, 1986. Т. 2. 691 с.
2. Капица М.С. Братская дружба двух великих народов. М.: Знание, 1959. 32 с.
3. Усачев И.Г. СССР и проблемы межгосударственного сотрудничества. М., 1980. 248 с.
4. Кашлев Ю.Б. Международное сотрудничество и культурные связи СССР. М.: Московский рабочий, 1975. 120 с.
5. Кашлев Ю.Б. Международное гуманитарное сотрудничество: состояние и перспективы. М.: Знание, 1988. 62 с.
6. Можаяев Г.А. Международные культурные связи СССР. М.: Знание, 1965. 48 с.
7. Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. М.: Наука, 1975. 429 с.
8. Вяткин Р.В. Документы по истории русско-китайских отношений. М., 1959. 256 с.
9. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958. 424 с.
10. Капица М.С. КНР: три десятилетия, три политики. М.: Политиздат, 1963. 576 с.
11. Цветко А.С. Советско-китайские культурные связи. М.: Мысль, 1974. 136 с.
12. Титаренко М.Л. Взаимовыгодное сотрудничество, обращенное в XXI век // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 45–49.
13. Титаренко М.Л. Российско-китайские отношения в преддверии XXI века: перспективы стратегического взаимодействия двух стран // Экспресс-информация ИДВ РАН. 2000. № 1.
14. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. 80-е годы XX – начало XXI века. М.: Восток–Запад, 2005. 390 с.
15. Дацьшэн В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 240 с.
16. Дацьшэн В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. 183 с.
17. The Cambridge History of China. Vols. 9–15: The Ch'ing Empire to 1800, Part 1 – The People's Republic, Part 2: Revolutions Within the Chinese Revolution. Cambridge (England) etc.: Cambridge Univ. Press, 2008.
18. Kaske E. The Politics of Language in Chinese Education. Leiden; Boston; Brill, 2008.
19. Gamsa Mark. The Chinese Translation of Russian Literature. Brill, 2008.
20. Carter James H. Struggle for the Soul of a City: Nationalism, Imperialism and Racial Tension in 1920s. Harbin: Modern China, 2001.
21. China learns from the Soviet Union, 1949-present / ed. by Thomas P. Bernstein, Hua Yuli. Lexingtonbook, 2010.
22. Глобализация и мультикультурализм / отв. ред. Н.С. Китбаев. М., 2005. 331 с.
23. Голубев А.В. Дипломатия народная и культурная: из опыта советской эпохи // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран в XX: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию РУДН. М., 2010. С. 183–185.
24. Родионов В.А. «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 255–260.
25. Кучерский Владислав Анатольевич. Деятельность Российской Духовной Миссии в Китае в сфере образования // Время науки – The Times of Science. 2014. № 2. URL: <http://puma/article> (дата обращения: 27.11.2016).
26. Антиповский А.А., Боровская Н.Е., Франчук Н.В. Политика в области науки и образования в КНР. 1949–1979 гг. М.: Наука, 1980. 288 с.
27. Карнаух Н.В., Ху Мин. Россия и Китай: исторические аспекты сотрудничества в области высшего образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 234–237.
28. Лазарева С.И., Шпилева А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии в 20–40-х гг. XX в. // Ойкумена. 2013. № 3. С. 94–102.
29. Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. 305 с.
30. Мамкина И.Н. Влияние геополитических особенностей Восточной Сибири на развитие системы общего образования в XIX в. // Материалы Международной научной конференции «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)». Новосибирск, 2016. С. 267–272.
31. Дао Тинцзюнь, Се Юнли, Ван Юйвэнь. Укреплять сотрудничество Китая и России в сфере высшего образования – воспитывать кадры, отвечающие условиям «регионализации» и «интернационализации» // Научно-образовательное и культурное сотрудничество стран-участниц ШОС: XII Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 мая 2014 г. Чита: ЗабГУ, 2014. Ч. I. С. 7–17.

32. Otsuka, Yuiaka. Japan 's Involvement with Higher Education in Manchuria: Some Historical Lessons from an Imposed Educational Cooperation // Education, Culture and Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2001. P. 57.
33. Аликберова А.Р. Анализ российско-китайских отношений в области образования на современном этапе (региональный аспект) // Казанская наука. 2013. № 5. С. 24–27.
34. Peppere S. Radicalism and Education Reform in 20–th – Century China. Yanbridge University Press, 1996. P. 160.
35. Помпелова Ю.П. Высшее образование для национальных меньшинств в КНР // Вестник Минского университета. 2014. № 1. С. 20.
36. Цзунь Фэн. Развитие китайской экономики умеренно форсируется // Китай. 2013. № 7. С. 26–27.
37. Цзя Л. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. 2013. № 10. С. 91–104.
38. Гарусова Л.Н., Сухая А.Е. Интернационализация высшего образования и международная деятельность университетов российского Дальнего Востока // Территория новых возможностей. 2014. № 2 (25). URL: <http://puma/article> (дата обращения: 29.11.2016).
39. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М. : Синосфера, 2016. 589 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: HISTORY AND MODERNITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 77–83.

DOI: 10.17223/15617793/423/10

Natalia Yu. Gusevskaya, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: gusnat1@rambler.ru

Inna N. Mamkina, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation); Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Keywords: Russia; China; education; “soft power”; international relations.

The purpose of the article is to determine the role of education in the historical development of Russian-Chinese interaction in the context of ensuring national interests of the powers. The article deals with the role of education in the development of Russian-Chinese relations since the end of the 19th century in the context of historical retrospect. Historiographic analysis shows that Russian researchers have not considered education as an instrument of geopolitical influence of Russia in China education from the late 19th century until the present day. An unambiguously negative attitude toward Russian cultural influence is characteristic for the Western researchers. The humanitarian relations between the two states are interpreted by them in the context of Russian / Soviet cultural expansion and the use of cultural contacts with China as a springboard for ideological propaganda. Within the framework of the “soft power” concept, the authors, using the retrospective method, consider education as one of the effective tools for ensuring national interests of the state. Based on the functional-systemic and comparative methods the Russian and Soviet system of education is established to have had a significant influence on the development of relations between the two countries. The authors noted that Russia’s involvement in the problems of Chinese education and culture was largely determined by Russian geopolitical goals in the region. An important milestone in the history of Russian-Chinese relations in the field of education was the construction of the Chinese Eastern Railway at the beginning of the 20th century in the Northeast of China. First in Harbin, and then in Tianjin and Shanghai, Russian educational institutions were established and they preserved traditions and methods of Russian education. The article focused on the role of education in the period from October 1917 to 1949 presented by the activities of cultural and educational societies and establishment of new educational institutions. From 1949 until the mid-1950s the system of higher education in China was restructured according to the Soviet model. The authors note that Sino-Soviet cooperation in the educational sphere was reduced against the background of worsening political relations in the 1970s, which subsequently resulted in the rejection of the Soviet model of education and led to the introduction of elements of the Western-type educational system in Chinese educational institutions. The article reveals that in the retrospective of Russian-Chinese relations education was one of their instruments of indirect impact on relations between the two powers. The authors come to a conclusion about the loss of Russia’s once leading position, and the emergence of an objective danger to the Russian state, in turn, to become an object of Chinese soft power.

REFERENCES

1. Gromyko, A.A. & Ponomorev, B.N. (1986) *Istoriya vneshney politiki 1917–1985 gg.* [History of foreign policy of 1917–1985]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
2. Kapitsa, M.S. (1959) *Bratskaya druzhba dvukh velikikh narodov* [Brotherly friendship of two great nations]. Moscow: Znanie.
3. Usachev, I.G. (1980) *SSSR i problemy mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva* [The USSR and the problems of interstate cooperation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Kashlev, Yu.B. (1975) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i kul’turnye svyazi SSSR* [International cooperation and cultural ties of the USSR]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
5. Kashlev, Yu.B. (1988) *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: sostoyaniye i perspektivy* [International humanitarian cooperation: status and prospects]. Moscow: Znanie.
6. Mozhaev, G.A. (1965) *Mezhdunarodnye kul’turnye svyazi SSSR* [International cultural ties of the USSR]. Moscow: Znanie.
7. Ioffe, A.E. (1975) *Mezhdunarodnye svyazi sovetskoy nauki, tekhniki i kul’tury* [International relations of soviet science, technology and culture]. Moscow: Nauka.
8. Vyatkin, R.V. (1959) *Dokumenty po istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents on the history of Russian-Chinese relations]. Moscow.
9. Kapitsa, M.S. (1958) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
10. Kapitsa, M.S. (1963) *KNR: tri desyatiletiya, tri politiki* [PRC: three decades, three politicians]. Moscow: Politizdat.
11. Tsvetko, A.S. (1974) *Sovetsko-kitayskie kul’turnye svyazi* [Soviet-Chinese cultural ties]. Moscow: Mysl’.
12. Titarenko, M.L. (1997) *Vzaimovыgodnoe sotrudnichestvo, obrashchennoe v XXI vek* [Mutually beneficial cooperation towards the 21st century]. *Problemy Dal’nego Vostoka*. 3. pp. 45–49.
13. Titarenko, M.L. (2000) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v predverii XXI veka: perspektivy strategicheskogo vzaimodeystviya dvukh stran* [Russian-Chinese relations in the run-up to the 21st century: prospects for strategic interaction between the two countries]. *Ekspress-informatsiya IDV RAN*. 1.
14. Larin, V.L. (2005) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v regional’nykh izmereniyakh. 80-e gody XX – nachalo XXI veka* [Russian-Chinese relations in regional dimensions. The 1980s – beginning of the 21st century]. Moscow: Vostok–Zapad.
15. Datsyshen, V.G. (2007) *Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost’* [Christianity in China: history and modernity]. Moscow: Nauch.-obrazovat. forum po mezhdunar. otnosheniyam.

16. Datsyshen, V.G. (2006) *Istoriya izucheniya kitayskogo yazyka v Rossiyskoy imperii* [History of the study of the Chinese language in the Russian Empire]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
17. Peterson, W.J. et al. (eds) *The Cambridge History of China*. Vols. 9–15. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
18. Kaske, E. (2008) *The Politics of Language in Chinese Education*. Leiden; Boston: Brill.
19. Gamsa, M. (2008). *The Chinese Translation of Russian Literature*. Brill.
20. Carter, J.H. (2001) *Struggle for the Soul of a City: Nationalism, Imperialism and Racial Tension in 1920s*. Harbin: Modern China.
21. Bernstein Th.P. & Hua Yuli. (eds) (2010) *China learns from the Soviet Union, 1949–present*. Lexingtonbook.
22. Kitbaev, N.S. (ed.) (2005) *Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm* [Globalization and multiculturalism]. Moscow: RUDN.
23. Golubev, A.V. (2010) [Diplomacy of the people and culture: from the experience of the Soviet era]. *Sotrudnichestvo i svyazi Rossii i SSSR s narodami zarubezhnykh stran v XX v.* [Cooperation and relations of Russia and the USSR with the peoples of foreign countries in the 20th century]. Proceedings of the XIV All-Russian conference. Moscow: RUDN. pp. 183–185. (In Russian).
24. Rodionov, V.A. (2009) “Myagkaya” sila v sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniyakh [“Soft” power in modern Russian-Mongolian relations]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*. 8. pp. 255–260.
25. Kucherskiy, V.A. (2014) Deyatel'nost' Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Kitae v sfere obrazovaniya [Activity of the Russian Spiritual Mission in China in the sphere of education]. *Vremya nauki – The Times of Science*. 2. [Online] Available from: <http://puma/article>. (Accessed: 27.11.2016).
26. Antipovskiy, A.A., Borevskaya, N.E. & Franchuk, N.V. (1980) *Politika v oblasti nauki i obrazovaniya v KNR. 1949–1979 gg.* [Policy in the field of science and education in China. 1949–1979]. Moscow: Nauka.
27. Karnaukh, N.V. & Khu Min (2011) Russia and China: historical aspects of cooperation in the sphere of education at the institution of higher learning. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya – Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2. pp. 234–237. (In Russian).
28. Lazareva, S.I. & Shpileva, A.N. (2013) Rossiyskaya emigratsiya i razvitie obrazovaniya v Man'chzhurii v 20–40-kh gg. XX v. [Russian emigration and the development of education in Manchuria in the 1920s–1940s]. *Oykumena*. 3. pp. 94–102.
29. Sokolovskiy, P. (1914) *Russkaya shkola v Vostochnoy Sibiri i Priamurskom krae* [Russian school in Eastern Siberia and the Amur region]. Khar'kov: tip. i lit. M. Zil'berberg i s-v'ya.
30. Mamkina, I.N. (2016) [The influence of geopolitical features of Eastern Siberia on the development of the general education system in the 19th century]. *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.)* [Asian Russia: the problems of socio-economic, demographic and cultural development (17th–21st centuries.)]. Proceedings of the international congress. Novosibirsk: Izdatel'stvo Parallel'. pp. 267–272. (In Russian).
31. Cao Tingjun, Xie Yongli & Wang Yuiven. (2014) [To strengthen the cooperation of China and Russia in the field of higher education is to educate the staff that meet the conditions of “regionalization” and “internationalization”]. *Nauchno-obrazovatel'noe i kul'turnoe sotrudnichestvo stran-uchastnits ShOS* [Scientific-educational and cultural cooperation of the SCO member countries]. Proceedings of the XII international conference. 21–23 May 2014. Vol. 1. Chita: Transbaikal State University. pp. 7–17.
32. Otsuka Yuiaka. (2001) Japan 's Involvement with Higher Education in Manchuria: Some Historical Lessons from an Imposed Educational Cooperation. In: Peterson, G., Hayhoe, R. & Lu, Y. (eds) *Education, Culture and Identity in Twentieth-Century China*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
33. Alikberova, A.R. (2013) Analiz rossiysko-kitayskikh otnosheniy v oblasti obrazovaniya na sovremennom etape (regional'nyy aspekt) [Analysis of Russian-Chinese relations in the field of education at the present stage (regional aspect)]. *Kazanskaya nauka*. 5. pp. 24–27.
34. Peppcer, S. (1996) *Radicalism and Education Reform in 20th-Century China*. Cambridge University Press.
35. Pompelova, Yu.P. (2014) Vysshee obrazovanie dlya natsional'nykh men'shinstv v KNR [Higher education for national minorities in the PRC]. *Vestnik Minskogo universiteta*. 1. pp. 20.
36. Tsun Feng. (2013) Razvitie kitayskoy ekonomiki umerenno forsiruetsya [The development of the Chinese economy is moderately forced]. *Kitay*. 7. pp. 26–27.
37. Tszei, L. (2013) Razvitie rossiysko-kitayskikh otnosheniy v oblasti obrazovaniya [The development of Russian-Chinese relations in the field of education]. *Obrazovanie i nauka*. 10. pp. 91–104.
38. Garusova, L.N. & Sukhaya, A.E. (2014) Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya i mezhdunarodnaya deyatel'nost' universitetov rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Internationalization of higher education and international activity of universities in the Russian Far East]. *Territoriya novykh vozmozhnostey*. 2 (25). [Online] Available from: <http://puma/article>. (Accessed: 29.11.2016).
39. Rummyantsev, E.N. (2016) *Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Si Tszin'pina* [Domestic and foreign policy of Xi Jinping]. Moscow: Sinosfera.

Received: 28 June 2017